

«ВЕРШИНА МОЯ—ТОЛГОНАЙ»

СУББОТНИЕ ВСТРЕЧИ

ступила кооперативный. Училась—ну, и ходила в театр. Бывало, наскребешь на билет в самом последнем ряду.

Мне хотелось бы все записать именно так, как она говорит: с мягким акцентом, светло-задумчиво, словно освещенная изнутри теплом своих воспоминаний.

— Ну, вот, и так мне захотелось в театре быть— просто не могу больше. Подруги по техникуму: сходи, говорят, может, примут. А в театре очень блистал тогда Кужамкулов, наш старейший теперь актер. Я пришла—ни жива, ни мертва стою, а он мне говорит—такой этюд сыграй, такой сыграй. Как играла—совсем ничего не помню. Но приняла. И с тех пор я в этом театре. Все он для меня—и школа, и институт, и университет— все здесь.

Начинала играть—роли почти детские были. Первая роль (помню, в пьесе татарского драматурга)— пионерка Роза. Потом девушка играла. Одна из первых таких ролей—девущка-агроном из пьесы нашего классика Ауэзова «Яблоневый сад». Марью Антоновну в «Ревизоре» играла, Любовь Яровую—много было ролей, много можно рассказывать.

А в 50-х годах впервые дали мне играть роль матери Абая. Я тогда обиделась даже: молодая была, не хотелось роль старой женщины играть, да и трудно было. Долго не получалось, но потом как-то так полюбила я эту роль, эту умную, благородную очень, чело-вечную такую мать Абая.

И с тех пор пошли у меня роли такого плана. Разные роли, не одинаковые. В «Кобланды»—Коклан—старуха-ведьма, цельная, сильнейшая роль. Кабаниха в «Грозе». В комеди-

ях тоже играла. Нельзя актеру в одном амплуа, разные надо пробовать роли.

Сабира Майкановна рассказывала еще и еще, и я уже собралась было спросить, какое же место среди ее ролей занимает роль Толгонай, как она сама заговорила о ней. И сейчас я могу только радоваться, что не успела задать свой вопрос: он прозвучал бы просто нелепо.

— Все, что пришлось мне сыграть, все, что я делала в жизни (так я теперь это воспринимаю)—все было подготовкой к работе над Толгонай. Толгонай... это вершина и, думаю, не только моя вершина, это и для режиссера вершина и для самого Чингиза Айтматова вершина. Образы такой силы, такой правды могут быть в творчестве художника только один раз.

Я отдала Толгонай все возможности, все, что я только могу, все, что есть у меня. Когда дали мне эту роль, в 1963 году, ночами сидела. В театре весь день до 11 часов работаем. Поздно вечером всех в доме уложу—и за работу. До утра, до утра каждый день.

Я вижу, с каким волнением говорит актриса о Толгонай, и мне становится ясно, что то общее, поражающее весь зал волнение, которое испытывают зрители [эти самые разные люди—все как один], на спектакле просто не может не возникнуть. Неподдельное, кипящее кипящее волнение водило пером Чингиза Айтматова. Оно вошло в его книгу и присутствует в ней, существуя уже объективно, его нельзя не почувствовать, в каком бы состоянии, настроении ни был

читатель. Это волнение испытывал режиссер, им полностью захвачены актеры. Талант, конечно, талант, но и—живое, пульсирующее в каждом штрихе чувство, действительно испытываемая боль от соприкосновения с судьбой, такой трагической и такой пронзающе обыкновенной— вот почему: ощущение правды в каждом слове и жесте, вот почему слезы, вот почему потрясенный зрительный зал, словно токами высочайшего напряжения, прикован к сцене. Обнаженный, трепещущий нерв правды пронизывает спектакль.

— И нельзя, совсем нельзя по-другому. Толгонай—крестьянка простая, а какая в ней сила духа, какая душа прекрасная. Всех сыновей ее, мужа на войне убили—горе какое. Только осталась сноха. Молодая, красивая, жить хочет. Ребенка она родила—не родного совсем Толгонай. Другая бы прокляла. А она мальчонку этого, как своего, вырастила, все сделала, как для родного, заменила и мать, и отца.

Спектакль, с его первых же сцен, актриса начинает с невероятной высокой трагедийной ноты. Вот Толгонай со своей снохой Алиман приходит на станцию: сын телеграмму дал—будет проезжать здесь на фронт. Вьюжная ночь, нарастающий гул пронесшихся поездов—все не те, все не те. Много часов на морозе, в снежном вихре, и наконец—эшелон. Он тоже уходит—милос. Только сквозит грохот колес долгий протяжный крик: «Ма-ма-а-а!» Толгонай не может поверить, что это все, она падает и ползет, и ползет, и

ползет по рельсам вслед отгрохотавшему поезду. Но лишь солдатская ушанка сына с кровавой капелькой звездочки ждет ее на пути.

Актриса сразу создает такое напряжение, что кажется невероятным, как она может выдержать его до конца спектакля, где трагедийность все нарастает и нарастает.

— Когда на сцену я выхожу, я никакого разделения не могу сделать: я, Майканова, здесь—Толгонай. У меня это все одно получается. Трудно мне бывает начать спектакль, но когда, через несколько минут я вхожу в него, я про себя совсем забываю, все у меня получается само собой—бессознательно, что ли, так даже могу сказать. Вот не так давно, месяца два назад, была у себя на родине в Кызыл-Орде, играла там в театре, ногу ушибла сильно на спектакле, колено распухло, ходить не могу, в гостиницу меня всегда два человека провожают, под руки держат. А на сцену выхожу—никакой боли не чувствую, как будто и не болит нога. Просто на сцене у меня—вся моя жизнь, не представляю, как без театра.

— А ваши дети! Они пошли по вашим стопам!

— Нет, одна я в семье актриса. Детей—четверо, дочка старшая—кандидат медицинских наук, доцент, сын один геолог, вторая—тоже медик, а младший—на заводе работает, разряд у него высокий. В актеры никто не пошел. Дочку вторую долго уговаривали в фильме сняться, но я сразу сказала: нет, если нет от природы таланта, не на что ставку делать. Талант должен быть—это прежде всего.

Я прошу актрису сказать несколько слов о своих товарищах, о театре.

— Театр у нас, я думаю, очень сильный, актеры есть замечательные. И режиссер. Это очень важно. Горе для театра, когда нет режиссера хорошего. Азербайджан Мамбетов вырос у нас в театре, я думаю, очень талантливый, все он стремится по-новому как-то решать и чувствуется в его спектаклях всегда рука режиссерская. Был у нас гример один: бывает, делаешь сам грим, нет, не получается—и все, а он подойдет—раз одним мазком—и весь облик меняется. Так и Мамбетов. Иногда думаешь и придумать не можешь, как поправить. А он подходит—и одним разом все на место ставит.

О молодых наших актерах много хорошего могу сказать, крепкая смена идет.

Потом Сабира Майкановна терпеливо позирует перед объективом нашего фотокорреспондента, рассказывает о своих внуках. Сокрушается: фотографии забыла, теперь скажу.

Обыкновенная, приветливая и добродушная женщина, отнюдь не чуждая обыденных житейских интересов, совсем как-будто бы не похожая на ту актрису, которая вечером, 11 июня, выйдет на сцену в спектакле «Материнское поле» и расскажет замершему зрительному залу о трагической и чело-вечной жизни простой киргизской женщины. О Толгонай, с которой полностью отождествляется в эти мгновения она сама—народная артистка Советского Союза Сабира Майканова.